

УДК 94 (575.2) : 81' 272

**ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
РУССКОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ СЕТЬ РУССКО-ТУЗЕМНЫХ ШКОЛ
ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ КИРГИЗИИ)**

О.Л. Сумарокова

Рассматриваются формы влияния русско-туземных училищ на образовательный сектор Туркестанского края, выявлены основные гуманистические ориентиры в формировании педагогической системы русско-туземных школ.

Ключевые слова: Российская империя; Туркестанский край; киргизы; русско-туземные школы; гуманизм; просвещение; русификация.

**HUMANISTIC TENDENCIES OF PROMOTING OF THE RUSSIAN LANGUAGE
THROUGH THE NETWORK OF RUSSIAN-NATIVE SCHOOLS
OF TURKESTAN EDGE IN THE II HALF OF XIX – BEGINNING
OF XX CENTURIES (ON MATERIALS OF KYRGYZSTAN)**

O.L. Sumarokova

It is considered forms of the influence of Russian-native schools on educational sector of Turkestan edge, it is revealed the main humanistic reference points in formation of pedagogical system of Russian-native schools.

Key words: Russian Empire; Turkestan edge; Kyrgyz; Russian-native schools; humanity; education; russification.

Проект русско-туземных училищ – уникальное и беспрецедентное явление в общей истории России и Средней Азии, ставшее результатом поиска оптимальных инструментов позиционирования и распространения среди мусульманского населения Туркестанского края русского языка как языка общения, науки, культуры, государственного единства и целостности, следствием изучения и анализа культурно-религиозного своеобразия региона, а также мониторинга и оценки работы действовавшей в регионе школьной системы.

Получение русско-туземными школами Туркестанского края официального статуса связано с именем третьего туркестанского генерал-губернатора Н.О. Розенбаха. Их становление и развитие совпало с периодом стабилизации гуманистических тенденций в российской педагогике и образовании. Основная направленность издаваемых по этому поводу, начиная со II половины XIX в., законодательных актов, состояла в идее развития

человека как высшей ценности, человекообразности образования, задача которого – формирование гармоничной личности ребенка полноценного гражданина своего отечества вне зависимости от его сословности, материального достатка родителей, конфессиональной, национальной и гендерной принадлежности.

Идеи российского гуманистического просветительства не могли быть не спроецированы на образовательную систему Туркестанского края, еще в более гипертрофированной форме реализовавшись в стенах русско-туземных школ грамоты. Одним из ярких проявлений их стали результаты работы проведенного по инициативе Министерства народного просвещения с 10 мая по 3 июня 1905 г. Особого Сопровождающего по вопросам образования восточных инородцев под руководством тайного советника А.С. Будиловича, на котором образовательная система Н.И. Ильминского, с 90-х гг. XIX в. подвергавшаяся во многих регионах империи гонениям, была рекомендована в качестве

основы в организации русско-туземных школ Туркестанского края.

“Долгое время существовало недоразумение, что школа Ильминского есть православная церковно-приходская или даже миссионерская школа, – разьяснял известный этнограф М.А. Миропиев, – что она стремится только к обращению в православие своих учеников из иноверцев и инославных и что поэтому она не может быть вводимая среди мусульман, ламаитов и пр., дабы не вызывать среди них нежелательного и вредного в государственном отношении религиозного и национального фанатизма. Такое недоразумение, мешающее распространению школы Ильминского на большее число русских инородцев и на большой район империи, продолжает существовать и по настоящее время... Совецание выяснило, что такой взгляд составляет заблуждение, что школа Ильминского, как школа свободного духа и полной любви, чужда каких бы то ни было враждебных начал, стеснений, ограничений прав данной народности, что она, стремясь сблизить инородцев с русскими, не касается того, что дорого каждому инородцу, не налагает своей руки на его святыню, на его веру, язык и национальные особенности; и потому она чуждается религиозного прозелитизма, предоставляя каждой народности свободно исповедывать свою веру” [1, с. 197].

Не навязывая русско-туземной школы инородческому населению, но стремясь в то же время к тому, чтобы она распространилась между инородцами Российской империи повсеместно, Совецание постановило предоставить туземному населению свободный выбор двух типов школ: общерусской, где преподавание велось бы исключительно на русском языке (по натуральному методу), как это делалось до сего, и инородческой системы Ильминского, в которой изучение государственного языка должно было осуществляться посредством национальных языков (по переводному методу).

Со своей же стороны Совецание рекомендовало инородческому населению отдавать предпочтение школам системы Ильминского, “как наиболее педагогичным и приуроченным к потребностям их быта, склада их жизни” [1, с. 196–197].

Прогрессивность новой системы русско-туземных школ заключалась не только в смене приоритетов в преподавании языка – с прагматического на гуманистический, а также в признании необходимым связать эти школы с новой системой образования в России, дабы дать возможность наиболее даровитым из инородцев переходить без особых затруднений в школы более высокого типа – городские училища, прогимназии и гимназии. До сих пор все Туркестанские школы – как низшие, так и средние – стояли особняком друг от друга,

и переход учащихся из одной в другую был крайне затруднен и даже невозможен.

В целях повышения успеваемости учащихся-туземцев в изучении русского языка членами Совецания был предусмотрен доступ в означенные школы как детей представителей местного населения, так и русских. Мера эта была названа “по практическим соображениям весьма желательной”. Однако в отличие от русско-туземных школ, работавших по системе Граменицкого, предполагавшей обособление русских и национальных классов, в школах системы Ильминского был регламентирован принцип совместного обучения детей местного населения с русскими, реализованный в свое время К.П. фон Кауфманом во всех типах правительственных школ. Учитывая опыт устроителя Туркестанского края, просветители и чиновники сошлись, однако, во мнении, что переход к совместному обучению требует времени и подготовки, чтобы, с одной стороны, он не стал фактором снижения успеваемости русских детей, с другой – причиной психологических травм у учеников, вовсе не владеющих русским языком.

Новые геополитические и культурно-исторические условия, в которых оказался русский язык, требовали эффективных механизмов формирования среды для укрепления и сохранения его позиций в среднеазиатском регионе. Так, делая ставку на русско-туземные училища как основной инструмент языковой русификации, необходимо было постоянно пребывать в процессе разработки комплекса “стимулирующих” мероприятий, позволявших раскрыть весь спектр преимуществ нового типа училищ перед традиционными мусульманскими школами. В первую очередь, они должны были состоять в создании максимально благоприятной интеллектуальной, психологической и физической учебной среды. Заботой учителей и представителей администрации Туркестанского края стали мотивация местного населения к изучению русского языка и постоянная демонстрация лояльности и терпимости к проявлениям чужих форм культур. Необходимо было нечто большее, нежели просто открыть школу, предложить туземцу подготовленного учителя и хороший учебник.

К примеру, тот факт, что киргизы являлись частью кочевой цивилизации с присущими ей своеобразным ментальным универсумом и уникальной моделью кочевого образа бытия, “вызывал необходимость устройства при училищах интернатов, дабы дети, живя в кочевьях, могли ежедневно посещать и классные занятия в школах” [2, л. 45]. Архивные данные свидетельствуют, что на территории Киргизии таких училищ с интернатами было открыто очень немного, однако сам факт их появления свидетельствовал о гибкости школьной политики и ее гуманистической направленности.

Первые шаги в этом направлении были сделаны в бытность Казалинской и Перовской школ для киргизов. Один из их учеников в своих воспоминаниях писал, что пансион при училище состоял тогда из одних киргизов. Их кормили лапшой с мясом, иногда супом с мясом; чаем поили пансионеров из деревянных чашек и вместо сахара давали кишмиш [3, с. 273].

По данным Семиреченского ежегодника за 1904 г., идея устройства интернатов при русско-киргизских школах отчасти оправдала себя. Интернаты, по замечанию властей, “обеспечивающие более правильный образ жизни и занятий воспитанников” [4, с. 38], были открыты при Сукулукской и Тынаевской русско-туземных школах в Пишпекском уезде и при Пишпекском и Пржевальском городских училищах; кроме того, была открыта русско-туземная школа с интернатом в слободке Атбашинской Пржевальского уезда. Всего в интернатах было помещено 85 воспитанников [5, с. 107]. К 1914 г. на территории Киргизии из 15 русско-туземных школ 7 имели интернаты.

Заведующим русско-туземными училищами и интернатами, а также учителям рекомендовалось самое гуманное обращение с учениками, мягкость в отношении с туземцами, хотя бы наружное уважение к их религии и обычаям и широкие знакомства с лучшей частью туземного общества; изучение местного языка, обычаев и свободный доступ в училище посетителей – туземцев [6, с. 95].

Так, каждый туркестанский генерал-губернатор, ставя своей единственной целью “приобщить иноплеменные русские народности к началам общерусской культуры и гражданственности” [7, с. 143], считал своим долгом заверить местное население в религиозной терпимости властей и отсутствии с их стороны прозелитистских намерений.

Ярким проявлением гуманизма являлась охрана жизни и здоровья ребенка, выражавшаяся, в первую очередь, в отмене в учебных заведениях телесных наказаний. Попытка решить эту проблему в России в законодательном порядке была предпринята еще в 1811 г. В связи с нарушением Высочайшего распоряжения о наказаниях циркулярное отношение министра народного просвещения графа Разумовского к попечителям учебных округов было опубликовано повторно в 1863 г. в журнале Министерства народного просвещения [8, с. 97].

Обоснованием неприемлемости телесных наказаний учащихся в России являлся принцип уважения личности будущего гражданина своего Отечества. В 1874 г. правительство пошло дальше, рекомендуя учителям по мере возможностей отказываться и от взысканий, полагая, что успех учебно-воспитательной деятельности находится в прямой зависимости

от компетентности педагога, чье нравственное влияние должно быть сильнее каких-либо вспомогательных мер воспитания [9, с. 187–191].

Гармоничным развитием учащихся были обеспечены и педагоги Туркестанского края. Так, в 1910 г. в подготовительную программу к съезду учителей училищ Семиреченской области 2-го района было включено требование об “отмене телесных наказаний, применяемых муллами в русско-туземных училищах” [2, л. 16, об.]. Как уже было указано ранее, в исламских учебных заведениях телесные наказания были скорее правилом, нежели исключением. Наставникам рекомендовалось не забывать девиз “сбережешь розги – потеряешь дитя”, однако не допускать во время наказания вспышек гнева, чтобы физическое наказание не превратилось в избиение. Эти же правила применялись муллами и в правительственных школах.

Ценность педагогического наследия, сформированного всего лишь за столетия функционирования в Туркестанском крае образовательной системы русско-туземных школ, заключается в использовании редких в мировых масштабах образцов гуманистически выверенных временем образовательных и политических методов и инструментов просвещения и продвижения русского языка, детерминированных политическими, религиозными, социокультурными, экономическими и мировоззренческими предпосылками.

Анализ деятельности русско-туземных школ Туркестанского края позволил нам выделить наряду с концептом “гуманизм” в российском педагогическом наследии концепт “туркестанский гуманизм”, ключевыми составляющими которого стали национальная и религиозная толерантность, компромиссность и рационализм, народность как высшая ценность, социальная всеобщность граждан Российской империи.

Желая приобщить коренных жителей Туркестанского края к государственному языку – одному из столпов целостности российской империи – государственная власть, учитывая, в первую очередь, конфессиональную и культурную самобытность региона, методом проб и ошибок сформировала уникальную педагогическую систему, векторами которой стали:

- *Антропологический императив образования*, суть которого состояла в признании за школой не одной лишь функции формирования у учащихся знаний, умений и навыков, но и развития у них физических, психических, социальных и духовно-нравственных качеств.
- *Социоцентрическая педагогическая концепция*, развиваемая П.Ф. Лесгафтом, К.Д. Ушинским, Л.Н. Толстым. Ставя во главу угла в учебном

процессе организацию взаимодействий между учащимися, учащимися и педагогом, теоретики концепции приоритетным считали разработку и использование коллективных форм учебной деятельности.

- *Идея народности в образовании* – одна из значимых в отечественной педагогике. В основе ее лежало убеждение в том, что “система народных школ и образования может быть прочно основана только на потребностях народа” [10, с. 72]. К.Д. Ушинский, стоявший у истоков идеи народности, выделяя категорию “народное воспитание”, отводил ему ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа [11, с. 120–121].

Упорно доказывая, что только система образования, выстроенная в соответствие с историческим опытом того или иного народа, сможет укрепить в подрастающем поколении ценнейшие качества – патриотизм, национальную гордость, желание трудиться на благо отечества, просветитель настаивал на том, что обязательными элементами народного образования должны быть родной язык, история и культура.

Приоритеты духовно-нравственного начала, социальной всеобщности, национальной идентичности феномена российского педагогического наследия XIX столетия в практике устройства и функционирования русско-туземных школ Туркестанского края имели специфические формы своего выражения. В частности:

- включение национальных языков в программы русско-туземных училищ;
- активное участие российской интеллигенции в разработке содержания учебных программ по национальным языкам в соответствии с достижениями современной методической науки;
- полемическое противостояние сторонников натурального и переводного методов в преподавании русского языка как неродного;
- разработка учебно-методической базы с национально-региональным компонентом для русско-туземных школ;
- подготовка и реализация идеи совместного обучения русских и туземцев;
- симбиозный подход к формированию внешних и внутренних составляющих строя русско-туземных школ в соответствии со стереотипами и традициями национальных культур региона, а также с учетом ключевых принципов российской педагогики и культуры;
- формирование психологически здоровой учебно-воспитательной среды;

- обеспечение преемственности между всеми типами государственных школ Туркестанского края;
- открытие при русско-туземных училищах интернатов и пр.

Анализ представленных фактов позволяет нам исключить вариант сценария попыток искусственной русификации региона и указать на то, что все механизмы продвижения и позиционирования русского языка через сеть русско-туземных школ были гуманистически выверенными, служившими не только общеимперским интересам, но и развитию национальных культур Туркестанского края, их самоидентификации и столь необходимой в конце XIX – начале XX вв. глобализации, как залога обновления и развития национальных обществ.

Литература

1. *Мирописев М.А.* Русско-инородческие школы системы Н.И. Ильминского / М.А. Мирописев // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Сенатская типография, 1908. Январь. Новая серия. Часть XIII. С. 183–210.
2. ЦГА КР. Ф. И-86. Оп. 1. Д. 2.
3. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881 гг.). Ташкент: Типо-Литография Каменских, 1899. 286 с.
4. Туркестанский календарь на 1904 г. / под ред. В.В. Стратонова. Ташкент: Тип. штаба Туркестанского военного Округа, 1904. 516 с.
5. Обзор Семиреченской области за 1904 год: приложение ко всеподданнейшему отчету. Верный: Тип. Областного Семиреченского Правления, 1905. 120 с.
6. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. СПб.: Сенат. тип., 1910. Ч. 16: Учебное дело. 177 с.
7. *Остроумов Н.* Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае / Н. Остроумов // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1906. Февраль. Новая серия. Ч. I. С. 113–166.
8. *Разумовский А.К.* О телесных наказаниях / А.К. Разумовский // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Тип. Иосафата Огризко, 1863. Июль. Третье десятилетие. Часть СХІХ. С. 97–100.
9. Правила о взысканиях // Журнал министерства народного просвещения. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1874. Май. Четвертое десятилетие. Часть СLXXIII. С. 180–204.
10. *Толстой Л.Н.* Педагогические сочинения / Л.Н. Толстой. М.: Педагогика, 1989. 542 с.
11. *Ушинский К.Д.* Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 2 / К.Д. Ушинский. М.: Педагогика, 1974. 440 с.